

ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩИЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬСТРОЯ В 1930-х гг.

Статья посвящена анализу складывания и развития золотодобывающей отрасли на Колыме в 1930-х гг. Ее содержание позволяет конкретизировать понимание проблем развития промышленности на Северо-Востоке России в XX в. и ее роли в обеспечении сталинской модернизации СССР.

Ключевые слова: Колыма; Дальстрой; золотодобывающая промышленность.

Процессы форсированной индустриализации СССР в 1930-х гг. резко обозначили проблему нехватки средств для обеспечения закупок за рубежом необходимых технологий и оборудования. В этой ситуации интенсификация добычи золота, т.е. прямого пополнения валютных запасов страны, приобрела важное значение. Крайний Северо-Восток, где на рубеже 1920–1930-х гг. в верховьях р. Колымы были обнаружены промышленные запасы драгоценного металла, в течение предвоенного десятилетия стал крупнейшим золотодобывающим регионом Советского Союза и уверенно вошел в число мировых лидеров золотодобычи.

Осуществление золотодобычи, промышленного и гражданского строительства здесь было поручено государственному тресту «Дальстрой», созданному в ноябре 1931 г. постановлениями ЦК ВКП(б) и СТО СССР [1. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 57–63; 2. Ф. Р-5674. Оп. 1. Д. 47. Л. 130–131], который в марте 1938 г. был передан в ведение НКВД СССР и реорганизован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой» [2. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 22. Л. 246]. Основной рабочей силой этой организации стали заключенные Севвостлага, история которого началась в апреле 1932 г. [3. Д. 1. Л. 8].

До 1935 г. основные капиталовложения Дальстроя направлялись в дорожное строительство. Тем не менее в сформировавшейся в это время его организационной структуре руководство горной отраслью было представлено в полной мере. 16 марта 1932 г., когда было утверждено «Положение об управлении горнотрестом Дальстрой», в составе его дирекции среди прочих был создан технический сектор. Его задачей стало «руководство всей работой по разведке и эксплуатации месторождения полезных ископаемых, а также проектирование новых производств и осуществление этих проектов» [3. Д. 1. Л. 77]. Для руководства уже существовавшими приисками в районах рек Среднекана и Утиной были сформированы соответственно Среднеканское и Утинское групповые управления. При этом «по мере развертывания работ» предусматривалось «разрешить организацию» Оротуканского, Бохапчинского, Бюченаского и Гербинского групповых управлений [3. Д. 1. Л. 67]. Уже 13 апреля 1932 г. было создано Оротуканское групповое приисковое управление [4. С. 6].

5 декабря 1932 г. на основе технического сектора организуется Управление по добыче полезных ископаемых (УДПИ), в состав которого вошли три групповые приисковые управления – Среднеканское, Оротуканское и Утинское. Административный центр УДПИ располагался на Среднекане [3. Д. 2. Л. 171]. В дальнейшем была проведена еще одна реорганизация, когда 25 марта 1934 г. УДПИ было реорганизовано в Горное управление Дальстроя. «Положение» о Горном управ-

лении предписало ему заниматься организацией поисков и разведок полезных ископаемых на территории деятельности Дальстроя, эксплуатацией промышленных месторождений, капитальным строительством в производственных районах и т.д. [3. Д. 7. Л. 242–246]. В структуру Горного управления вошли групповые управления, преобразованные 9 апреля 1934 г. в горнопромышленные районы – Среднеканский, Утинский, Оротуканский и Неригинский. Несколько позже (1 января 1935 г.) к ним присоединился Тасканский ГПР, созданный в золотоносном районе бассейна р. Ат-Урх.

Активные геологические изыскания на Северо-Востоке в течение 1930-х гг. способствовали введению в строй новых золотодобывающих предприятий и расширению структуры отрасли. 5 сентября 1935 г. Горное управление было ликвидировано. На его месте возникли сразу три управления. Управление горнопромышленного строительства должно было строить горнорудный комбинат на Утинке и осуществлять разведку рудных месторождений. Весь комплекс задач, связанных с разведкой и эксплуатацией россыпных месторождений золота, подлежал решению Южным и Северным горнопромышленными управлениями. Центром ЮГПУ стал пос. Оротукан, в его состав вошли Оротуканский, Утинский и Среднеканский горнопромышленные районы. СГПУ располагалось в пос. Хатыннах и включало Хатыннахский, Ат-Урхский и Мылгинский ГПР [3. Д. 23. Л. 144].

Создание горнопромышленных управлений в 1935 г. положило начало складыванию производственно-территориальной структуры Дальстроя, просуществовавшей вплоть до момента его упразднения. Начало эксплуатации месторождений золота к западу от Колымы привело к выделению 1 сентября 1938 г. самостоятельного Западного горнопромышленного управления (ЗГПУ) с центром в пос. Сусуман [4. С. 14]. 11 сентября 1939 г. – приступили к созданию Тенькинского горнопромышленного управления. Его задачей стала эксплуатация россыпных и рудных месторождений золота [4. С. 17, 19]. В бассейне р. Чай-Урх (на северо-западе территории ЗГПУ) геологи разведали уникальную промышленную россыпь золота, для эксплуатации которой приказом от 3 ноября 1940 г. из состава ЗГПУ было выделено самостоятельное Чай-Урхское ГПУ с центром в пос. Нексикан [4. С. 25].

Таким образом, к началу войны с Германией на территории Колымы добычу золота вели пять горнодобывающих управлений, рост числа которых определялся результатами геологических изысканий, вызывавшими, в свою очередь, введением в состав действующих новых приисковых подразделений. Если в 1932 г. здесь действовало 10 приисков (в том числе 6 вновь открытых), в 1937 г. – 17 приисков (2 новых), то в 1941 г. золото добывали 45 приисков (8 новых) [3. Д. 5. Л. 15].

В течение 1932–1941 гг. этими предприятиями здесь было добыто 390 270 кг химически чистого золота [3. Д. 5. Л. 14, 15]. Заметим, что темпы развития золотодобычи на Колыме в 1932–1941 гг. были более высокими, чем в целом по стране. Для сравнения: предприятиями Главзолота НКТП СССР, многие из которых находились в уже обжитых районах, в течение 1928–1937 гг. было добыто лишь 352 729 кг драгоценного металла [5. С. 219]. Наиболее значительным стал результат золотодобычи на Колыме в 1940 г. План по Дальстрою на 1940 г. устанавливался в размере 100 т шлихового золота, в том числе: по ЗГПУ 50 500 кг, по СГПУ 34 500 кг, по Южному, включая Тенькинский район, 14 640 кг, по ЮЗГПУ при попутной добыче 360 кг [3. Д. 135. Л. 93]. Однако в 1940 г. ГУ СДС план золотодобычи выполнило лишь в объеме 90 673 кг шлихового металла. Тем не менее в перерасчете на химически чистое золото Дальстрой добыл более 80 т металла, что стало историческим максимумом за все время его существования. В.Г. Зеляк справедливо подчеркивает, что в 1940 г. Дальстрой добыл золота больше, чем все тресты Главзолота НКЦМ вместе взятые (их результат составил 79,3 т золота), а удельный вес Дальстроя в общей золотодобыче СССР по отчетным данным составил 46,3% [6. С. 75].

Таким значительным результатам способствовали исключительные богатства колымских золотых россыпей. В 1934 г., учитывая обнаруженные запасы золота в размере 30 т на территории в 5 тыс. км², было признано возможным считать средние запасы металла в 6 т на каждые 1 000 км² в рамках золотоносной полосы площадью в 48 тыс. км² [7]. «Россыпные месторождения золота, – отмечалось в отчетных документах, – характеризуются небольшими площадями, неглубоким залеганием золотоносного пласта и небольшой его мощностью – 0,75 м, но с высоким содержанием золота в песках. Встречаются отдельные площади с очень крупным золотом – самородки от 10 г до 2 кг весом» [8. С. 401]. Положительными качествами россыпных месторождений золота на Северо-Востоке являлись небольшая глубина залегания, легкость грунта для добычи, промывистость песков, богатое содержание металла. Даже вечная мерзлота при правильном ведении работ не представляла собой больших трудностей, т.к. если зимой убирался покрывающий их слой торфов, то летом пески очень быстро оттаивали. Размеры колымских россыпей золота по своим запасам были очень разнообразны: большинство из них содержало около 2–5 т золота, реже от 5 до 15 т, и, как исключение, свыше 15 т. Но именно последние и давали главную массу добываемого золота [6. С. 35–36].

Особого внимания заслуживает проблема себестоимости добывавшегося Дальстроем золота, являвшейся основным показателем рентабельности его добычи. Себестоимость этого металла при других равных условиях, как правило, в значительной мере зависит от некоторых особенностей, связанных с природными условиями его месторождений: климатом районов, где добывается золото, и сезонностью работы ряда золотоизвлекающих агрегатов, сравнительной отдаленностью отдельных мест добычи золота от магистральных путей сообщения.

Вполне очевидно, что себестоимость колымского золота в силу именно природных условий его промышленной добычи должна была быть высокой. Однако, судя по материалам документальной отчетности Дальстроя, коммерческая себестоимость одного грамма металла, добытого в течение 1932–1937 гг., выражалась суммой 4 руб. 56,8 коп. [3. Д. 5. Л. 4]. Это имело в 1930-е гг. важное государственное значение, ибо себестоимость добываемого на Северо-Востоке золота в указанный период была ниже мировой цены на этот металл.

Один из аспектов удешевления средней себестоимости добываемого на Колыме металла состоял в том, что в целях форсирования максимальной добычи золота Дальстрой фактически производил хищническую отработку площадей в первую очередь на наиболее богатых месторождениях. В этих же целях Дальстрой разрабатывал рассыпные месторождения золота, требовавшие сравнительно небольших капитальных затрат, значительно меньшего числа механизмов и энергетики в сравнении с рудными месторождениями.

Так, в 1935–1937 гг. только по СГПУ на наиболее богатых участках месторождений среднее содержание золота составляло от 40 до 78,6 г на м³ горной породы [7]. Классическим примером хищнической организации золотодобычи на наиболее богатых участках стало экстренное создание в марте 1936 г. отдельного прииска (прииск «8-го марта») на ключе Шах на основе хороших показателей только нескольких шурфов одной линии совершенно еще не разведанного ключа. Для организации прииска сюда была переброшена рабочая сила с другого богатого прииска «Ат-Урях»; затраты труда на экстренное строительство составили здесь 27 400 рабочих человеко-дней. В результате за промысловый сезон 1936 г. прииск «8-го марта» добыл 3 037,5 кг золота при среднем содержании металла в породе 78,66 г/м³. В это же время прииск «Ат-Урях», при среднем содержании 75,99 г/м³, добыл 6 433,3 кг золота. В целом же среднее содержание золота по СГПУ составило: прииск «Ат-Урях» (1936–1937 гг.) – 50 г/м³, прииск «Полярный» (1935–1937 гг.) – 43,6 г/м³, прииск «Штурмовой» (1935–1937 гг.) – 31,6 г/м³, прииск «Партизан» (1935–1937 гг.) – 54,1 г/м³, прииск «8-го марта» (1936–1937 гг.) – 54,7 г/м³. На приисках ЮГПУ среднее содержание было много меньшим: прииск «Торопливый» (1934–1937 гг.) – 13,9 г/м³, прииск «Пятилетка» (1933–1937 гг.) – 18,2 г/м³. В целом по Дальстрою в 1935–1937 гг., при значительных потерях золота на промывке песков, среднее содержание составило 23,86; 27,05 и 26,78 г/м³ соответственно [7].

Хищническая добыча золота из недр вела к нерациональной отработке месторождений, далеко не полному использованию разведанных запасов металла и резкому снижению среднего содержания золота в горных породах вплоть до непромышленного за пределами эксплуатационного контура. Выхватывание для разработки наиболее богатых участков золотоносных россыпей стало характерным для стремившегося любой ценой выполнить государственный план Дальстроя. В 1939 г. вопиющие факты хищничества были отмечены на приисках «Чай-Урья» и «Ударник» Западного горнопромышленного управления [7]. Россыпи, изуродо-

ванные хищнической эксплуатацией первого года, частично заваленные торфами и хвостами промывки, фактически обрекались на кустарную разработку во все последующие годы ее разработки.

Руководство страны настоятельно требовало золота. Думается, что причиной тому становились нараставшие в 1930-х гг. затраты государственного бюджета на нужды индустриального и военного строительства. Не случайно еще в апреле 1937 г. директор Дальстроя Э.П. Берзин подчеркивал: «Если я сообщаю в январе план в Москву, то в Москве Госплан и Наркомфин наше золото уже растасовывают по платежам» [7]. Поэтому деятельность Дальстроя была подчинена исключительно выполнению плановых заданий в ущерб планомерному исследованию территории Северо-Востока. Это приводило к тому, что программа золотодобычи строилась не на основании конкретно выявленных природных ресурсов, определенной геологоразведкой на несколько лет вперед, а наоборот, разведка чаще всего спешно готовила запасы для «произвольно названной» программы золотодобычи предстоящего промывочного сезона. Контуры обнаруженных поисковой разведкой рентабельных россыпей практически никогда полностью не определялись разведочными работами. Эти россыпи сразу же поступали в разработку, но потом приходилось рядом с уже отработанными площадями доразведывать новые участки, что приводило к дополнительным работам – переносу поселков, построенных на золотоносных участках, и осуществлению повторной перевалки торфов в границах уже действовавших приисков. Только за период 1934–1937 гг. объемы такой вторичной перевалки составили несколько сот тысяч кубических метров.

Масштабы государственных планов золотодобычи заставляли Дальстрой форсированно эксплуатировать богатейшие россыпи, уделяя ничтожно мало внимания разведке рентабельных рудных месторождений, которых к 1938 г. было известно только два – Утинское и Штурмовское. В феврале 1939 г. на V Всеколымской партийной конференции отмечалось: «Геологоразведочная служба должна дать данные не на 2–3 года, а на 5 лет. У нас нет детальной разведки, не введено бурение, разведка проводится допотопным способом – кайло, шурфовка...» [7]. Перечисленные обстоятельства сочетались с тем, что прииски Дальстроя несли большие потери золота из-за отсутствия полного улавливания металла промывочными приборами. На V Всеколымской партийной конференции работник ЮГПУ Тузов констатировал: «У нас теряется много мелкого золота, невидимого на глаз, благодаря тому, что мы пользуемся допотопными промприборами». Год спустя, на VI Колымской партконференции (1940 г.), вновь подчеркивалось: «...если бы мы снизили с каждого промприбора хотя бы 10% потерь, то это дало бы многое...» [7].

Другим важным фактором, обеспечивавшим низкую себестоимость колымского золота, стало использование труда заключенных, что в условиях Колымы значительно снижало материальные затраты в сравнении с трудом работников, набранных в обычном порядке. При этом следует заметить, что вовлечение заметного числа заключенных в золотодобычу произошло лишь в 1934 г. Общая численность работников

Дальстроя в 1933–1934 гг. выросла на 4,5% (30 782 чел. в 1933 г. и 35 995 чел. – в 1934 г.). А количество занятых в горной отрасли в этот же временной отрезок увеличилось на 76,1% (абсолютные показатели здесь: в 1933 г. 1 350 чел., в 1934 г. 5 638 чел.). Из отмеченного следует, что, если в 1933 г. на горных работах было занято лишь 4,4% всех работников треста, то в 1934 г. их доля в общем количестве дальстроевцев составила уже 15,6%.

Вовлечение контингентов заключенных в колонизацию региона происходило равномерно до 1938 г., достигнув максимума в 1936 г.: примерно 18,5 тыс. чел. Но в 1938 г. произошел резкий скачок, и к 1939 г. прирост числа заключенных, труд которых использовался Дальстроем, достиг 70 тыс. чел., из которых 47,2% использовались на горных работах. Драматические события, связанные с «большим террором», нашли свое отражение в том, что в системе Дальстроя работало уже около 177 тыс. заключенных. С 1938 по 1941 г. включительно численность работников горной отрасли выросла на 54%, и в 1941 г. их удельный вес вырос до 55,3% [3. Д. 6. Л. 55].

Указанное повышение удельного веса занятых в горной отрасли работников Дальстроя на рубеже 1930–1940-х гг. в качестве одной из важнейших причин имело целенаправленную практику руководства по переброске на горные работы рабочей силы из других подразделений. Типичным для этого времени стал приказ от 5 июля 1941 г., который предписывал для обеспечения работ по выполнению плана металлодобычи направлять в горные управления 3 000 заключенных из лесного отдела, горкоммунотдела, промкомбината и т.д. Чрезвычайность подобных мер подчеркивалась особо: «Предупредить начальников управлений и предприятий и начальников лагподразделений, что за несвоевременное выполнение настоящего распоряжения виновных будут привлекать к ответственности, вплоть до предания суду» [3. Д. 162. Л. 68].

В основе расширения объемов добычи металла лежала все усиливавшаяся эксплуатация труда заключенных – основной массы работников золотодобывающей промышленности Северо-Востока СССР. Это наше утверждение основывается на данных о нормировании производственных сменных заданий на горных работах в течение 1933–1936 гг. Так, в 1933 г. сменная норма добычи горной породы вручную составила 0,86 м³, в 1935 г. она увеличилась до 2,1 м³, с начала промывочного сезона 1936 г. – 4,1 м³ за смену [9. С. 36].

В то же время в 1935 г. парк экскаваторов Дальстроя насчитывал 5 небольших машин, в 1936 г. – 7, в 1937 г. линейка экскаваторов включала 16 машин. При этом экскаваторный парк использовался только на работах по вскрыше торфов с крайне низкой производительностью. Доказательством этого тезиса являются данные о перевалке горной массы на приисках Дальстроя в 1937 г. При вскрыше торфов и перемещении золотоносных песков 37% всего объема работ было выполнено вручную, 31,5 – механическими канатными дорожками, 21,1 – конной перевозкой, 4,43 – экскаваторами, 1,55 – ленточными транспортерами, 5,52 – конными воротами и автотранспортом [7].

В 1938–1939 гг. техническое оснащение горнодобывающих предприятий существенно возросло. По срав-

нению с 1937 г. рост механизации по экскаваторам составил 216%, по компрессорам – 483, по транспортерам – 1300, по лебедкам – 294, по двигателям – 168, по локомотивам – 240, по бойлерам – 940% [7]. Судя по данным официальной отчетности, в 1941 г. 34,1% общего объема вскрыши торфов выполнено экскаваторами, что в сравнении с 1937 г. (6,4%) говорит об увеличении технической оснащенности приисков [3. Д. 5. Л. 16]. Тем не менее эффективность использования горной техники оставалась весьма низкой. В 1939 г. на горных полигонах работало 67 экскаваторов, но их использование за 10 мес составило по ЗГПУ 55%, а по ЮГПУ 61% от плана. Среднее рабочее время экскаваторов в Дальстрое в целом составило 2 тыс. ч, а время простоев 4 тыс. ч [7].

В 1940 г., по подсчетам инженеров И. Соколовского и Г. Пучкова, экскаваторный парк Дальстроя выполнил майский план добычи горной массы всего на 50,6%. При этом коэффициент использования экскаваторов по времени составлял в среднем 40%, а в Западном горно-промышленном управлении даже 33% [10. 1940. 26 сент.]. Начальник прииска «Одинокий» Лазарев на совещании хозпартактива СГПУ в 1940 г. констатировал: «Работаем дедовским методом. Мускульная откатка доходит до 100 метров и выше» [10. 1940. 20 июня]. Л.М. Муляр отмечал в своих воспоминаниях, что главный инженер прииска «Чай-Урья» Д. Пшеничников, получив экскаватор «Воткинец», поставил к нему 150 чел. с тачками. Грунт возили за тачках и ссыпали в ковш, а потом уже ковш переносился на нужное расстояние [11. С. 50].

Зимой 1938–1939 гг., по словам заместителя руководителя Дальстроя Ходырева, его «заставили проводить впервые на Колыме осенне-зимнюю промывку» золота [7]. Это мероприятие позволяло продолжать добычу металла из содержащих его песков даже в суровых условиях колымской зимы. Как вспоминал бывший колымский заключенный М.Б. Миндлин, в ноябре 1938 г. «стали строить небольшие зимние приборы “тепляки”, куда на тачках вывозили мерзлые пески и производили промывку. Началась “вскрыша торфов”, освобождение золотоносных песков от пустых грунтов. Это очень трудоемкая операция выполнялась исключительно ручным способом: в мерзлом грунте ломанами пробивали вертикальные и горизонтальные бурки, заряжали их аммономом и взрывали... Потом вывозили на себе заполненные грунтом коробы в специально отведенные отвалы. Расстояние до них составляло 100–150 м, причем градус подъема с каждым днем увеличивался. Короба вмещали до 0,12 кубометра» [12. С. 55–56].

Ставшая затем ежегодной осенне-зимняя промывка металла имела своей целью, естественно, увеличение масштабов добычи минерального сырья. Вряд ли это было собственной инициативой руководства Дальстроя. Обратим внимание на глагол «заставили» в приведенной выше фразе Ходырева. Вполне очевидно, что это было распоряжение высших государственных и партийных органов, игнорировать которое Дальстрой не мог.

Осенне-зимняя промывка зимой 1939–1940 гг. оказалась плохо подготовленной: промприборы строились разнотипные и начинали эксплуатироваться без минимальных предварительных испытаний. Поэтому вместо

планировавшихся 100 м³ на многих промприборах фактически промывалось лишь 20–30 м³ песков. Запасами топлива промывка была практически не обеспечена. Типичной картиной золотодобычи той зимы стало то, что промприборы работали на суточном запасе дров. Среднегодовая производительность труда по горным управлениям в 1939 г. равнялась 67% от плановой. При этом акцент был сделан не на использование механизмов, а на физическую силу людей. Общий процент использования техники колебался между 50 и 60%, а экскаваторов только на 37% [7].

Стремление руководства Дальстроя выполнить план золотодобычи путем интенсификации ручного труда заключенных, сопровождавшееся недостаточным использованием даже имевшейся техники, приводило к повышенному травматизму среди рабочих. По предприятиям Дальстроя в 1939 г. количество несчастных случаев на 1 000 рабочих составляло 84, в 1940 г. – 24. Несмотря на сокращение числа несчастных случаев, количество потерянных рабочих дней по этим причинам в 1940 г. было на 30% больше, нежели в 1939-м. И это при условии, что в 1940 г. на технику безопасности было израсходовано 7 млн 213 тыс. руб., или 364% по отношению к 1939 г. [10. 1941. 6 марта].

В 1932–1940 гг. на горных предприятиях Дальстроя, разрабатывавших россыпные месторождения золота, было переработано 68,79 млн м³ горной породы. При этом объемы работ, выполненных с помощью экскаваторов, составили менее 15% от этого количества (10,72 млн м³). Следовательно, наибольшая тяжесть выполнения данных колоссальных работ легла на плечи работников Дальстроя – заключенных и вольнонаемных, чья мускульная сила стала основным средством выполнения государственных заданий. Это же замечание верно и для 19,11 млн м³ промытых на промывочных приборах песков [6. С. 77].

Среднее содержание золота в песках в 1932–1940 гг. составило 21,2 г/м³, что при средней коммерческой себестоимости 5,38 руб./г было, безусловно, выдающимся результатом. Как отмечалось в отчетных документах Дальстроя, при увеличении добычи золота в 3-й пятилетке по отношению к добыче во 2-й пятилетке почти в 3,4 раза, увеличении объемов горных работ более чем в 5,2 раза и снижении среднего содержания золота в 1,63 раза его коммерческая себестоимость повысилась только в 1,58 раза, составив 7 руб. 22,5 коп. за 1 г добытого золота [3. Д. 135. Л. 4].

Однако расчеты показывают, что в 1932–1937 гг. для получения 1 кг химически чистого золота Дальстрой было необходимо переработать 168,3 м³ горной породы и промыть 42,6 м³ золотосодержащих песков. В 1938–1940 гг. 1 кг золота производился в результате переработки уже 244,7 м³ породы и промывки 70 м³ песков. Это означало значительное снижение среднего содержания золота в горных породах – более чем в 2–3 раза в 1940 г. по отношению к началу периода (1932–1933 гг.). Причиной этого явления, по нашему мнению, была нерациональная хищническая эксплуатация колымских россыпей, характеризовавшаяся отработкой в угоду выполнению постоянно повышавшихся плановых заданий участков с наибольшим содержанием золота. Отработка россыпных месторождений с весомыми потерями ме-

талла на промывке не сопровождалась адекватным их выполнением геологическими изысканиями.

Поэтому в результате первых 8 лет добычи богатейшие золотые кладовые Колымы стали быстро истощаться, создавая порочный круг проблем. Для того чтобы добывать больше золота, нужно было перерабатывать все больший объем горных пород. При возрастающих масштабах переработки горных пород настоятельно требовались средства механизации, для приобретения или создания которых СССР нуждался в колымском золоте. Поэтому выход был найден в усилении эксплуатации

мускульной силы прежде всего подневольных работников и продолжении практики хищнической эксплуатации месторождений. Существование описанного порочного круга проблем продолжалось и в 1940–1950-е гг., что не создавало реальных основ для действительного освоения (обживания) территории, ибо именно вокруг горной промышленности Северо-Востока создавалась производственная и социальная инфраструктура. Основа таких методов хозяйствования была заложена именно в первое десятилетие деятельности золотодобывающего комплекса Дальстроя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский* государственный архив социально-политической истории.
2. *Государственный* архив Российской Федерации.
3. *Государственный* архив Магаданской области. Ф. Р-23 сс. Оп. 1.
4. *Хроника* горнодобывающей промышленности Магаданской области. Ч. 1. Горнодобывающая промышленность Дальстроя (1931–1957) / Сост. С.П. Ефимов. Магадан, 2002.
5. *Хатылаев М.М.* Золото Восточной Сибири в стратегии форсированной индустриализации (1926–1937 гг.). Якутск, 1997.
6. *Зеляк В.Г.* Пять металлов Дальстроя. История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан, 2004.
7. *Центр хранения* современной документации Магаданской области. Коллекция документов. По режимным соображениям данные об архивных фондах, описей, номера дел и т.д. здесь не указываются.
8. *История* сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. Т. 3: Экономика ГУЛАГА / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004.
9. *Эпштейн Л.* Итоги пяти лет // Колыма. 1936. № 4.
10. *Советская* Колыма. Магадан.
11. *Муляр Л.М.* Край вечной молодости // Колыма. 1967. № 11.
12. *Миндлин М.Б.* Анфас и профиль. М., 1999. С. 55–56.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 сентября 2009 г.